

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Acquired through the
HOOVER INSTITUTION

**STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES**

301

Виз
мисл
-1915

Kakhomskii, S.V.

*Речь произнесенная в
заседаніи псковскаго археологическаго общества*

РѢЧЬ,

произнесенная

въ

засѣданіи псковскаго археологическаго общества

8 Сентября 1881 года

дѣйствительнымъ членомъ

С. В. Кухомскимъ

**въ воспоминаніе славной обороны г. Пскова отъ войскъ
Стефана Баторія въ 1581 году.**

ПСКОВЪ

ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1881.

Кокховскій, С. V.

РѢЧЬ,

произнесенная

ВЪ

засѣданіи Псковскаго архіологическаго общества

8 Сентября 1881 года

дѣйствительнымъ членомъ

С. В. Кокховскимъ

**въ воспоминаніе славной обороны г. Пскова отъ войскъ
Стефана Баторія въ 1581 году.**

ПСКОВЪ

ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1881.

TK

ДК511
Р8К6

Перепечатано съ разрѣшеніа Губернскаго Начальства изъ № 41-го
Псковскихъ губерскихъ вѣдомостей.

Р Ъ Ч Ъ,

произнесенная въ засѣданіи Псковскаго Археологическаго Общества 8 сентября 1881 года дѣйствительнымъ членомъ С. В. Кохомскимъ въ воспоминаніе славной обороны г. Пскова отъ войскъ Стефана Баторія въ 1581 году.

Событіе, которое вспомнить мы собрались сегодня и памяти котораго посвящено было религиозное торжество сегодняшняго утра, есть одно изъ самыхъ знаменательныхъ событій, какія только находимы нами въ лѣтописяхъ отечественной исторіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что оно было довольно важно и по своимъ результатамъ. Достопамятная оборона Пскова отъ войскъ Стефана Баторія въ 1581 году остановила этого воеводу на пути доселѣ побѣдоносномъ, познакомила его съ дѣйствительными размѣрами той силы, съ которой онъ велъ борьбу, заставила поскорѣ воспользоваться возможностью выгоднаго мира и, получивъ Ливонію, отказаться отъ расчетовъ на исконныя русскія владѣнія и города Псковъ, Новгородъ и др. Но извѣстно и то, что пріобрѣтеніе Ливоніи и было для Стефана главной цѣлію войны, что на покореніе цѣлаго Московскаго государства или какой нибудь исконной части его не могъ рассчитывать король, который въ теченіе этой трехлѣтней кампаніи долженъ былъ три раза лично отправляться на польскій сеймъ, съ величайшими усиліями поддерживать тамъ сторону войны противъ многочисленныхъ сторонниковъ мира и встрѣ-

чать такія трудности въ полученіи отъ сейна денегъ для содержанія войска, какія для человѣка менѣе ловкаго и энергичнаго показались бы непреодолимыми. Поэтому намъ кажется, что оборона Пскова особенно важна не по своимъ послѣдствіямъ для внѣшней политики Московскаго государства и для спасенія и охраны чести и владѣній русскаго престола, но по своему внутреннему значенію.

Всмотримся въ самое событіе.

Оборона Пскова была ведена не московскими только ратниками, которыхъ было въ Псковѣ 15.000 на 100.000 войска Стефана. Еще до осады тяжесть работъ по возобновленію ветхихъ укрѣпленій лежала на Псковскихъ гражданахъ. Чудесное видѣніе старцу Покровскаго монастыря, въ которомъ Пресвятая Дѣва призвала къ себѣ Псковскихъ заступниковъ Епископа Нифонта, Князя Гавриила и Николу Салоса, объявила имъ о карѣ божественнаго гнѣва, имѣющей постигнуть городъ за грѣхи его и обѣщала свою помощь и заступленіе, — это видѣніе соотвѣтствовало убѣжденію жителей Пскова, что вшествіе короля Стефана представляетъ величайшую опасность для ихъ города. Это убѣжденіе выразилось въ дружномъ содѣйствіи жителей обороноѣ Пскова, все болѣе и болѣе возраставшемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ рѣдѣли ряды ратниковъ, возбуждалась отвага непріятелей, и опасеніе постыднаго отступленія дѣлало ихъ рѣшительнѣе въ нападеніяхъ. 8 сентября покрыло славой столько же Псковскихъ гражданъ, какъ и московскихъ ратниковъ и воеводъ. Всѣ Псковичи, всякаго званія и состоянія, не только мужи, но и жены покрыли себя въ этотъ день неуязвимою славой. Межъ тѣмъ какъ духовенство непрестанно молилось въ соборномъ храмѣ св. Троицы, граждане спѣшили къ мѣсту битвы, вооруженные какъ и чѣмъ попало, пуская въ дѣло ручницы, самопалы, камень, горящую смолу и проч.. Батерію пришлось имѣть дѣло не съ одними искусниками ратнаго дѣла, въ обычномъ вооруженіи выступаю-

щими для правильной обороны беззащитных или не желающих защищаться гражданъ, но со всей массой Псковскаго населенія, готоваго скорѣе разстаться съ жизнію, чѣмъ достаться во власть врагу и въ своемъ отчаянномъ мужествѣ гораздо болѣе страшнаго, чѣмъ царскіе стрѣльцы.

Баторій встрѣтился съ явленіемъ, которое на взглядъ западно-европейца всегда было странно. Онъ смотрѣлъ на войну, какъ на борьбу правительствъ, въ которой народъ не долженъ принимать участія, на которую онъ долженъ смотрѣть какъ на турниръ, куда съѣзжались блестящіе рыцари, чтобы оружіемъ рѣшать свои споры о первенствѣ. Отсюда предъ началомъ войны онъ издалъ манифестъ, въ которомъ предупреждалъ жителей, что ему нѣтъ никакого дѣла до мирныхъ гражданъ, и что онъ ведетъ борьбу только съ царемъ. Незадолго до осады Пскова Стефанъ предлагалъ Іоанну поединокъ; онъ писалъ: «жалѣешь ли крови христіанской? назначь время и мѣсто, явись на конѣ и одинъ сразись со мной, да праваго увѣнчаютъ Богъ побѣдой».

Въ западной Европѣ борьба государствъ имѣла большей частью характеръ личной борьбы монарховъ, къ которой народъ относился безучастно, какъ къ одному изъ многихъ необходимыхъ золъ, надъ нимъ тяготѣвшихъ. Не сочувствуя ни одной изъ враждующихъ сторонъ, народъ большей частію ничѣмъ не проявлялъ себя въ пылающей вокругъ него враждѣ и равнодушно ждалъ, на чью сторону склонится побѣда, и подъ кѣмъ быть рѣшить ему судьба. Иногда онъ продавалъ свое содѣйствіе тому, кто давалъ больше денегъ или обѣщалъ больше льготъ. Рассчитывая на это, Стефанъ въ октябрѣ 1581 г. писалъ къ Псковскимъ воеводамъ въ запискѣ, пущенной въ городъ со стрѣлой: «сдайтесь мирно; вамъ будетъ честь и милость, какой не заслужите отъ Московскаго тирана, а народу льгота, неизвѣстная въ Россіи, со всѣми выгодами свободной торговли, нѣкогда процвѣтавшей въ землѣ

его. Обычай, достояніе, вѣра будутъ неприкосновенны: мое слово—законъ».

Здѣсь искусный въ переговорахъ Стефанъ, чтобы расположить въ свою пользу Псковичей и настроить ихъ противъ Іоанна IV, весьма кстати намекалъ какъ на жестокий характеръ Іоанна, такъ и на благо свободы, отнятое у Псковичей всего 70 лѣтъ тому назадъ. Время Іоанна IV было тяжелымъ временемъ для русскихъ. Въ Москвѣ обнаружилось начало разложенія, великая нравственная порча, гнилость, производимая множествомъ причинъ. Грозный царь обвинялъ почти всѣхъ приближенныхъ своихъ, которымъ дотолѣ онъ вѣрилъ и которымъ вѣрила земля, въ измѣнѣ и враждѣ къ престолу и отечеству. Однакоже было страшно и повѣрять и не вѣрять этому обвиненію. Страшно было землѣ увидѣть себя въ такихъ извазахъ, въ какихъ представлялась она Іоанну, и сознать отовсюду гнетущее ее бремя измѣны, своекорыстія, полной продажности и проч. Если же обвиненіе Іоанна было несправедливо, то къ чему были эти потоки крови, эти безчисленныя казни, сопровождавшіяся такими истязаніями, отъ которыхъ сжималось и сжимается сердце? Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что православный царь въ нравственномъ отношеніи глубоко палъ, что его жизнь, полная кровавыхъ потѣхъ, производила соблазнъ среди подданныхъ; несомнѣнно, что онъ истреблялъ безъ всякаго разумнаго основанія, только по необузданности и свирѣпости характера, всякую знатность, все выдающееся и имѣющее притязаніе на свободу слова и дѣла; безъ всякой опредѣленной мысли и разумной цѣли онъ повелѣлъ разграбить, въ свое посѣщеніе Пскова, дома знатныхъ гражданъ. Несомнѣнно, что, истребляя знатность, онъ давалъ не менѣе чувствительные удары и простому народу, который погибалъ на правожѣ отъ опричниковъ, вымиралъ отъ голода въ Новгородской области, страшно опустошенной въ нашествіе Іоанна, и тысячами погибъ въ самомъ Новгородѣ. Стефанъ Ба-

торій нѣтъ полное основаніе сказать Псковичамъ: несчастны! чего вы ждете отъ своего тирана, что заставляетъ васъ защищать власть, которая дѣлаетъ все, чтобы быть для васъ ненавистной. Испорченный нравственно Іоаннъ никогда не щадилъ лицъ, отличившихся святой ревностію ко славіи отечества, смѣялся надъ самоотверженіемъ и смертію за родину, казнилъ лицъ, отбивавшихся отъ враговъ до послѣдней крайности и отдавшихъ имъ только тогда, когда сдѣлалось для человѣческихъ силъ невозможно стоять дальше. Такимъ образомъ, Московское государство переживало время, когда народъ долженъ былъ, по видимому, лишиться вѣры въ правительство, когда его любовь къ престолу переносила испытанія наиболѣе тяжелыя.

Въ частности, Псковъ, недавно утратившій свои старинныя права, всего лишь семьдесятъ лѣтъ тому назадъ противникъ съ вѣчевымъ колоколомъ и съ нимъ лишенный всей своей гордости, въ замѣнъ своего славнаго боеваго прошлаго занявшій скромное мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ городовъ, безусловно подчиненныхъ Москвѣ, потерявшій послѣ 1510 года свое торговое могущество и благосостояніе, отданный въ жертву своекорыстію и кривосудію царскихъ наместниковъ, этотъ городъ, такъ мало по видимому выигравшій и такъ много потерявшій съ безусловнымъ подчиненіемъ Москвѣ, могъ ли одушевляться любовью къ только что наложенному на него игу, могъ ли стоять за это иго, какъ за святыню, до послѣдней капли крови, если бы не было у него такихъ прочныхъ, въ глубину идущихъ связей съ Москвою и русскимъ царемъ, предъ которыми были бессильны сулимы Стефаномъ льготы, бессильно все, что слабыхъ душъ могло повидному располагать къ извѣнчъ Московскому царю и къ тайному добродѣтельству замысламъ образованнаго, храбраго польскаго короля?

Эта глубокая, неразрывная связь съ Москвою представляется намъ въ видѣ духовнаго единства, которое повсюду

и всегда влекло къ центру, представляемому всероссійскимъ престоломъ, все, что есть на свѣтѣ истинно русскаго. Это влеченіе къ обще-русскому центру выразилось въ безропотномъ слияніи съ Москвою бывшаго прежде самостоятельнымъ Псковскаго вѣчеваго государства, въ добровольномъ подданствѣ Малороссіи, въ тяготѣніи къ Россіи православнаго славянства на западѣ Европы, тяготѣніи, котораго нельзя объяснять съ точки зрѣнія космополитическаго принципа: *ubi bene, ibi patria*. Это духовное единство съ центромъ Россіи, это нравственное тяготѣніе къ Москвѣ съ ея православнымъ царемъ сказалось и въ отвѣтѣ Псковскихъ защитниковъ на предложеніе короля сдаться. «Мы не жиды, отвѣчали они, не предаемъ ни Христа, ни царя, ни отечества. Не слушаемъ лести, не боимся угрозъ. Иди на брань; побѣда зависитъ отъ Бога». Это значило: не нужно намъ изъ твоихъ рукъ ни свободной торговли, ни благъ самоуправленія; мы хотимъ состоять подъ державой русскаго царя, чего бы намъ это ни стоило. Измѣнить ему значило бы измѣнить и Христу.

Возникаетъ вопросъ, что значить и откуда возникло это духовное единство русской земли, сказавшееся въ стремленіи найти себѣ центръ и въ необыкновенно строгомъ охраненіи однажды отысканнаго центра?

Когда заходитъ рѣчь объ основномъ характерѣ и направленіи духовнаго развитія того или другаго европейскаго народа, то она скоро сводится на вопросъ о вліяніи на этотъ народъ христіанства, о способѣ его распространенія въ началѣ и о послѣдующихъ судьбахъ христіанской церкви среди этого народа. При этомъ весьма часто указывается, что христіанство было проповѣдано западнымъ европейскимъ народамъ на чуждомъ для нихъ латинскомъ языкѣ, на этомъ же мертвомъ языкѣ совершалось богослуженіе, въ латинь была закована и церковная наука. Послѣдствія этого господства латыни были неисчислимы, но мы

обратимъ вниманіе лишь на самую существенную сторону въ этомъ обстоятельстве, именно на то, что христіанство, закутанное въ тогу классическаго языка, не могло сродниться съ народной душой, совершенно овладѣть народнымъ сознаниемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отлиться въ совершенно народную форму. Христіанство для запада должно было оставаться на вѣки даромъ вѣчнаго Рима, корни его оставались постоянно въ Римѣ, пониманіе его приходило или присылалось изъ Рима, такъ какъ народу недоступны были ни смыслъ богослуженія, ни книга Св. Писанія. Къ этому открыто стремились римскіе первосвященники, основывая на этомъ единство церкви, въ дѣйствительности же преслѣдуя интересы своей кассеры. Духовенство было тоже латинское, т. е., не нѣстное и чуждое народу, воспитанное по римской программѣ и по книгашъ, которыя Римъ одобрилъ для всеобщаго употребленія, отъ которыхъ отступать объявлено было ересью, хотя бы содержаніе ихъ не имѣло отношенія къ христіанству (господство Аристотеля). Явилось направленіе мысли, существо котораго, повидимому, заключалось въ примиреніи двухъ требованій, изъ коихъ одно принадлежало человѣческой душѣ, а другое Риму, первое состояло въ томъ, чтобы мыслить, а второе въ томъ, чтобы додумываться всегда до того лишь, что одобрено Римомъ (схоластика). Но изученіе латинскаго языка сдѣлало возможнымъ ознакомленіе съ памятниками классической римской литературы, которая послужила орудіемъ для борьбы съ крайностями папизма. Эта борьба, состоявшая, съ одной стороны, въ защитѣ, а съ другой стороны, въ отрицаніи всего средневѣковаго духовнаго строя, вызвала такое возбужденіе уиственныхъ силъ, какому мы нигдѣ не нашли бы подобія. Эта борьба ведется до сихъ поръ, потому что и до сихъ поръ ни одинъ народъ Западной Европы не достигъ духовнаго единенія въ пониманіи, или отношеніи къ христіанству.

У насъ не Руся всего этого небыло. Православное христіанство проповѣдано было славянскимъ народамъ на славянскомъ же языкѣ. Въ этомъ выразилась та мысль православной церкви, что христіанство усвоится каждымъ народомъ и каждымъ членомъ народа свободно, по силѣ народнаго или личнаго разумѣнія, сообразно съ народными свойствами или личнымъ характеромъ. Православіе есть въ существенномъ единство, въ сомнительномъ свобода и во всемъ любовь. По мысли православія доступъ къ разумѣнію и усвоенію христіанства, ученіе и обряды котораго изложены въ Св. Писаніи и въ богослужебныхъ книгахъ, открыты для каждаго вѣрующаго, если онъ умѣетъ читать, или слышать читаемое,—каждому цектелю Христовой истины наша церковь предоставляетъ испытать писанія.

Что же изъ этого вышло?

Тѣмъ, кто любитъ подданное, можетъ быть приходящее ощутить сожалѣніе о томъ, что у насъ всегда была такъ мало замѣтна церковная жизнь, не было ни блестящихъ соборовъ, ни сдѣланныхъ аресей, ни схоластики, ни борьбы съ схоластикой, ни католицизма, ни реформаціи. Съ точки вѣрной точки зрѣнія такіа сожалѣнія напрасны. Напротивъ, при здравомъ пониманіи дѣла, мы могли бы гордиться тѣмъ, что происходило и до сего времени происходитъ у насъ, тогда западъ борется съ врагами, которыхъ онъ же родилъ и выкормилъ, разрушаетъ свои же сооруженія. У насъ сѣмя христіанства было брошено прямо въ народную почву и жизнь его проходила въ глубинѣ народной души. О томъ, что совершается на такой глубинѣ, не можетъ намъ сказать никакое историческое изученіе, которое всегда видитъ лишь результаты того, что зарождается и зрѣетъ, молча, въ народномъ духѣ. Въ періодъ удѣльно-вѣчевой Руси, когда областная или земская жизнь имѣла всего болѣе простора, когда княжеская власть ограничивалась самыми вышними и формальными отношеніями къ подданнымъ, великая работа совершалась внут-

ри народа: онъ учился христіанству и достигалъ его разумѣнія. Когда раздался татарскій погромъ, началась борьба съ Нѣмцами и Шведами, народъ подготовленный этой внутренней работой, осозналъ себя, какъ народъ христіанскій, или *крестъянскій*, и отличалъ отъ себя всѣ другіе народы именно, какъ нехристіанскіе.

Какъ же онъ понялъ христіанское ученіе?

Онъ понялъ его сообразно съ своимъ разумѣніемъ и съ свойствами народной души, понялъ не въ формѣ отвлеченной доктрины, а въ формѣ практическихъ истинъ, простыхъ молитвъ и образовъ, сіяющихъ для каждого и силой и любовью. Таковъ былъ въ особенности образъ Христа, ходящаго по землѣ и расточающаго милости несчастнымъ, образъ Божіей Матери, олеванной ходатаицы за родъ христіанскій, образъ Николая Чудотворца, котораго народъ русскій называлъ милостивымъ, Ілліи Пророка, которому поручено управление дождемъ и грозой, явленіями столь важными въ жизни земледѣльческаго населенія. Народъ полюбилъ церкви, съ ихъ благолѣпьемъ, съ иконами въ блестящихъ окладахъ, съ блескомъ свѣчей, съ колокольнымъ звономъ, вызывающимъ на думу о смерти, о спасеніи. Народъ полюбилъ православное богослуженіе съ его трогательными молитвами, съ умилненнымъ пѣніемъ, — полюбилъ и *почитаніе книжное*, какъ необходимое для разумѣнія совершаемаго и поемаго въ церкви, какъ занятіе вообще спасительное и богоугодное. Никто не говорилъ народу, что онъ грубъ и не понимаетъ христіанства. Это отрицаніе народнаго христіанства и даже глумленіе надъ нимъ возникли у насъ тогда, когда небольшая часть русскихъ людей познакомилась съ западно-европейскимъ просвѣщеніемъ, увлеклась имъ и къ явленіямъ русской жизни стала прилагать мѣрило чуждое, неправославное, или, по крайней мѣрѣ, не народное.

Убѣжденная, что христіанство просто и для всѣхъ понятно, церковная власть въ древней Руси не хотѣла организо-

вать духовенства, какъ особаго сословія, съ высшимъ умственнымъ цензомъ, со всестороннимъ пониманіемъ христіанскаго богословія. Древне-русское духовенство не мѣшило народу думать и чувствовать, какъ Богъ положилъ народу на душу, не проповѣдывало, что христіанство выше разумѣнія народнои массы, не навязывало народу отвлеченныхъ христіанскихъ истинъ, потому что оно происходило изъ самаго народа и народомъ избиралось.

Здѣсь мы находимъ великій контрастъ съ тѣмъ, что было на западѣ. Тамъ христіанскій народъ въ лучшихъ своихъ представителяхъ, съ извѣстнаго времени, въ невѣжествѣ и нравственной порчѣ духовенства обвиняетъ папство, у насъ въ невѣжествѣ духовенства народъ считалъ виновнымъ самого себя: Епископъ Новгородскій Геннадій (изъ XVI в.) писалъ, что къ нему иногда приводятъ для посвященія людей, которые по богослужебнымъ книгамъ ступить не умѣютъ, онъ затрудняется посвящать ихъ, а ему говорятъ: «что же намъ дѣлать? Нельзя найти грамотныхъ людей; земля, господине, такая». Никогда и нигдѣ не предоставлялось большей свободы религіозно-нравственному развитію народа.

Но пользуясь такой свободой, весь русскій народъ одинаково отнесся къ христіанству и одинаково уразумѣлъ его. Такъ какъ онъ весь находился на одной степени умственного развитія, находился внѣ стороннихъ вліяній, былъ одного языка, населялъ однообразную мѣстность и въ извѣстной степени велъ одинаковый образъ жизни, то и христіанство въ народѣ русскомъ упрочилось и распространилось въ одной формѣ, такъ что Новгородецъ признавалъ своимъ братомъ по вѣрѣ жителя Кіевской области, хотя не признавалъ братства съ болѣе близкимъ къ нему по жительству Нѣмцемъ и Шведомъ. Отсюда и получилось духовное единство, которымъ была всегда такъ сильна русская земля.

Такого же единства народовъ хотѣла и западная церковь,

но она стремилась къ нему путемъ насилія, путемъ опеки, исключавшей религіозно-нравственную свободу, путемъ унижающаго гнета на мысль и чувство своихъ чадъ. Къ, правда, удалось въ извѣстной мѣрѣ достигнуть этого единства и нѣкоторое время его поддерживать; но это единство было не столько духовное, сколько внѣшнее, оно не имѣло корня въ умахъ и сердцахъ вѣрующихъ. Оно выразилось въ крестовыхъ походахъ, въ которыхъ вся Европа ополчалась противъ враговъ креста; но за то оно стало падать и занялось борьбой, восстанавливающей брата на брата, съ тѣхъ поръ, какъ народы стали стремиться къ сверженію опеки Рима. Духовное единство русскаго народа есть плодъ сознательнаго и свободнаго усвоенія христіанства, и потому народъ хранитъ его доселѣ, какъ залогъ своего великаго будущаго.

Какъ скоро это единство выработалось,—что произошло не вдругъ,—народъ сталъ искать политическаго центра, онъ стремился создать православное царство и соединиться подъ его сѣнію. Носителями этой идеи являются Московскіе князь-собиратели,—и смотрите, какъ охотно идетъ подъ ихъ державу внѣшне-раздробленный, но духовно-цѣльный русскій народъ. Къ нимъ на службу приходятъ Литовскіе князья, они пользуются сочувствіемъ простою народа въ Новгородѣ, имъ безъ сопротивленія Псковъ уступаетъ свою вѣховую свободу, всякое стремленіе къ политической особности понижаетъ предъ общерусскою идеею православнаго царства. Не по хвастовству, а по чувству правды, Московскій князь именуется себя Царемъ *всехъ Руси*, хотя до Елизаветы не наша была Бѣлоруссія и часть Малороссіи, а до Алексѣя Михайловича русскіе цари и князья владѣли меньше, чѣмъ половиною Россіи, считая подъ этимъ послѣднимъ именованіемъ совокупность всѣхъ земель, населенныхъ русскими. Москва тогда еще чувствовала, что идея православнаго царя, православнаго русскаго царства подчиняетъ ей духовно и подчинитъ когда нибудь внѣшне всю Россію.

Простому народу не нужны политическіе права, за которыя усмеленно стоятъ высшіе классы общества, но нравственно развитый и духовно свободный народъ создаетъ себѣ государственную идею, создаетъ образъ политическаго цѣлаго, которое онъ хочетъ составлять. Эта идея или образъ для русскаго народа неотдѣльны отъ идеи православнаго и великаго цара. *Православнаго*, потому что онъ есть представитель духовнаго единства русскаго народа, а это единство заключается въ обществѣ для всѣхъ русскихъ христіанствѣ; *великаго*, потому что въ его величїи заключается слава, гордость и величіе русскаго имени и всего народа православнаго.

Никто не признавалъ этой идеи съ такой ясности, какъ Іоаннъ IV, мудрый законодатель, виновникъ небывалой государственной силы Россїи, возвеличившій ее прїобрѣтенїями царствъ Кавказскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Онъ понималъ свое отиачїе отъ тѣхъ государей, которые выбраны *многочисленною волею народа*, и производилъ свою власть отъ Бога. И въ этомъ отношенїи онъ только слѣдовалъ народной идеѣ православнаго цара, цара великаго, слѣдовательно не случайнаго, опирающагося не на мнѣнія и желанїя человѣческія, которыя бываютъ часто ошибочны и злы, но на избранїи божественнаго Промысла, на помазанїи отъ Бога, Который и есть верховный правитель міра и всеблагїй защитникъ православнаго народа. Такъ какъ духовное единство русскаго народа есть единство религиозное, то и власть цара, который есть представитель этого единства, должна покоиться на религиозномъ основанїи, на небесномъ избранїи. Іоаннъ IV, какъ извѣстно, для приданїя большой торжественности своему титулу, въ дѣйствительности же лишь выражая въ яркихъ чертахъ народную мысль, предполагалъ своему титулу слѣдующее, какъ тогда говорили, богословіе. «Троице пресущественная и пребожественная и преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ христіаномъ, Дателью премудрости, пренебѣдимый и пресвѣтлый Крайній Верхъ! не-

прави насъ на путию Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя,
да возглаголемъ о людѣхъ Твѣихъ во вѣкъ Твоей. Сего убо
Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостію и жгѣніемъ
уарьжакомъ екиперъ російскаго царствія мы, великій госу-
дарь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи са-
модержецъ, Владимірскій, Московскій и проч..

Такъ изъ свободнаго усвоенія чистаго христіанскаго уче-
нія возникло духовное единство всей Руси. Поляки, наши
братья по славянской крови, исключили себя изъ этого един-
ства, ибо ихъ религіозно-правственное развитіе шло подъ опе-
кой Рима и іезуитовъ. За то другой, даже и не славянской,
но православный народъ выжилъ сліянія съ зачинавшимся въ
Москвѣ великимъ православнымъ царствомъ. Это былъ народъ
Грузинскій, царь котораго при сынѣ Грознаго Федорѣ, при-
слалъ въ Москву пословъ и молилъ Московскаго царя взять
древнюю знаменитую Иверію подъ свою высокую руку: «ми—
единовѣрные братья Россіянъ и стонаемъ отъ злочестивыхъ
(Турокъ и Персовъ); единъ ты, вѣнценосецъ Православія, мо-
жешь спасти нашу жизнь и душу. Бью тебѣ челомъ до лица
земли со всѣмъ народомъ; да будемъ твои во вѣки вѣковъ».

Самодержавная верховная власть на Руси была средото-
чїемъ, къ которому тѣснился русскій народъ, въ силу своего
религіозно-правственнаго единства. При этомъ измѣна власти
была бы измѣной и православному народу, казалась бы измѣ-
ной и православію. И воздѣе измѣнниковъ, подобныхъ Мазе-
пѣ, Отлучали отъ церкви; вора-Отрепьева также. Курбскій из-
мѣнилъ Царю Іоанну Васильевичу Грозному; въ перепискѣ
съ Іоанномъ онъ обличаетъ послѣдняго въ крѣпостствѣ, измѣ-
нѣ обычаю православныхъ царей русскихъ; не кажется, что,
обличая, онъ только стремится заглушить муку своей души,
переслать разсудочными доказательствами терзанія совѣсти,
твердившей, что онъ измѣнилъ русскому царству, и слѣдова-
тельно и православію и народу православному. Русскіе не по-

нимали людей, которые легко cambiали. Когда въ 1576 году Ливонскіе дворяне, защищавшіе Гансавъ, который былъ тогда очень важной крѣпостію, сдали его русскимъ лишь только царскій воевода уѣбрилъ ихъ въ совершенной безопасности, и затѣмъ, въ тотъ самый часъ, когда русскіе входили въ городъ, веселили и вѣшали себя оживленной амушкой, то одинъ изъ нашихъ молодыхъ князей сказалъ своему пріятелю-нѣмцу: «Если бы мы русскіе живые сдали неприятелю такую крѣпость, то никто изъ насъ не смѣлъ бы взглянуть прямо въ лицо доброму христіанину.» Нельзя при этомъ не вспомнить добрыя словеса Московскихъ пушкарей, которые въ 1578 году въ битвѣ при Венденѣ, зная невозможность защищать далѣе внутреннии имъ орудія и ужасаясь мысли отдаться неприятелю, поостыли на своихъ пушкахъ.

Теперь намъ можно понять смыслъ отвѣта, который Псковичи дали Стефану Баторію на предложеніе сдачи: «Мы не жида, не предаемъ ни Христа, ни царя, ни отечества; не слушаемъ твоей лести, не боимся угрозъ. Иди на брань: побѣда зависитъ отъ Бога»... Подобно тому, какъ всѣ части физическаго тѣла имѣютъ физическое тяготѣніе къ центру, такъ всѣ части огромнаго народа русскаго имѣютъ религиозное и нравственное стремленіе къ средоточію, къ православному великому царю, а царь Іоаннъ Васильевичъ былъ, не смотря на свои недостатки, и православный и великій царь.

Немного спустя послѣ обороты Пскова отъ Стефана Баторія, денские казаки, имѣя у себя во главѣ Ермака Тимофеевича и уже господствуя въ Сибири на развалинахъ Кучюнова царства, били челомъ Іоанну этому царствомъ. Они поступили совершенно, какъ русскіе православные люди, которые все сносили, все терпѣли, все вереносали, все предпринимали, все дѣлали, чтобы великому православному царству не захудѣть, не осиротѣть, не унизиться, не славиться и переходить отъ силы въ силу.

О нашихъ предкахъ можно сказать словами Апостола, что они *свѣрою побѣдима царствѣя*. Вѣра христіанская, усвоенная русскимъ народомъ свободнѣе и потому глубже, чѣмъ всякимъ другимъ народомъ, была основаніемъ духовнаго единства этого народа. Почувствовавъ это свое единство, русскій народъ сталъ искать и внѣшней цѣльности, стремился собраться и создалъ великое православное царство, основанія котораго въ глубинѣ народнаго духа. Это единеніе народа въ вѣрѣ православной было и да пребудетъ навсегда залогомъ величія и прочности русскаго царства.

